

УДК 598.826

С. В. Вингер

К ЭКОЛОГИИ УРАГУСА УССУРИЙСКОГО
(*URAGUS SIBIRICUS USSURIENSIS* BUT.)
В ЛАЗОВСКОМ ЗАПОВЕДНИКЕ

В летние сезоны 1970—1971 гг. урагус уссурийский был обычен в долинах рек Сяухэ, Судзухэ и Канихеза. Численность его здесь составляла 2—3 пары на 1 км маршрута. Этот вид гнезвился по поймам, довольно густо поросшим лещиной разнолистной (*Corylus heterophylla*) и леспедецей двухцветной (*Lespedeza bikolor*) с примесью молодых деревьев ясеня носолистного (*Fraxinus rhynchophylla*), березы ребристой (*Betula costata*), дуба монгольского (*Quercus mongolica*) и ольхи японской (*Alnus japonica*), а также в прибрежных ивовых зарослях с небольшой примесью дуба монгольского. Постройка пяти известных мне гнезд началась 26 июня 1970 г., 31 мая, 7, 21 июня и 6 июля 1971 г. Гнезда находились на иве (*Salix* sp.), молодых яблоне маньчжурской (*Malus manshurica*) и дубе монгольском, бересте (*Ulmus pumila*) и ольхе японской. Высота их над землей — 1,5, 1,5, 3,35, 4,9 и 5,6 м. По наблюдениям за двумя парами, строила гнездо самка в течение пяти дней. Работу она начинала в 5 час. 30 мин. и продолжала в солнечную погоду до 8 час. 30 мин., в пасмурную — до 11 час. 40 мин. Затем активность птицы резко падала, и до 16—17 часов она прилетала лишь изредка. За день совершалось 40—60 прилетов со строительным материалом, наибольшая часть которого была принесена на третий день, когда завершалась основа гнезда и птица подлетала с очередной порцией через каждые 3 мин. 25 сек. (во второй день — через 7 мин. 30 сек., а в пятый — через 6 мин.). Время пребывания ее на гнезде колебалось от 6 до 140 сек. и наиболее продолжительным оно было в последний день.

В течение первого дня была построена маленькая площадка диаметром около 5 и толщиной около 1,5 см из сухого размолоченного лыка. Отдельные пучки его опутывались вокруг развилки ветвей, где находилось гнездо. На второй день постройка значительно увеличилась, а на третий создание основы гнезда практически завершилось и началось возведение его стенок, закончившееся на пятый день. После чего дно выстилалось конским волосом. Начиная постройку, птица приносила довольно длинные (5—10 см) пучки лубяных волокон и укладывала их вокруг каждой из веток развилки. Во второй и последующие дни наряду с лыком она приносила стебли трав, тонкие веточки, которые служили скелетом гнезда, причём при возведении стенок веточки и стебли использовались особенно часто.

С пучком строительного материала в клюве самка усаживалась на ветку, затем бросала или укладывала его в гнездо (рис. 1, 1), прыгала в чашу и некоторое время утаптывала (рис. 1, 2), потом захватывала клювом пучок волокон в нижней части гнездовой постройки и характерным движением головы уплотняла его внутри чаши; голова птицы во время этого движения подрагивала, как при значительном физическом напряжении (рис. 1, 3, 4, 5); за этим следовали приседание, притаптывание лапками и покачивание телом из стороны в сторону; крылья при

этом были чуть опущены (рис. 1, 6). И, наконец, она вставляла на ноги и поднимала хвост вертикально (рис. 1, 7). Описанный комплекс движений следовал после каждой очередной порции строительного материала, мог повторяться десятки раз; число этих повторений зависело, видимо, от податливости веточек или стеблей. Я неоднократно наблюдал, как

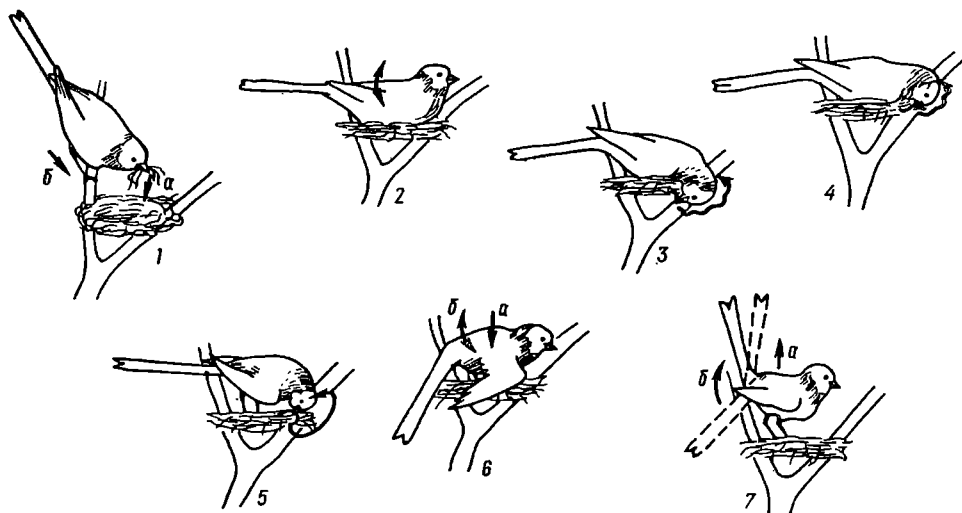

Рис. 1. Характерные позы самки *Uragus sibiricus ussuriensis* В и т. во время постройки гнезда:

1—7 — последовательность поз самки; а, б — последовательность движений.

самка, прилетевшая с пучком травинок, вновь и вновь принималась «заправлять» в гнездо какую-то торчащую веточку, казалось не обращая внимания на принесенный материал.

Законченное гнездо было довольно аккуратно. Находилось оно в вертикальной развилке ветвей и было хорошо замаскировано нависающими листьями. Наружный диаметр его составлял 76—82, высота — 54—100 мм, диаметр лотка — 49—60, глубина — 30—34 мм. Свито оно из лубяных волокон сухой леспедецы и лещины разнолистной, плоских листьев злаковых. Каркас состоял из стеблей злаков, тонких веточек; внутренние стенки чаши были выстланы тончайшими стебельками, покрытыми сверху конским волосом и реже — шерстью свиньи дикой (*Sus scrofa*) и енотовидной собаки (*Nyctereutes procyonoides*). В одном из гнезд (жилом) такой выстилки не было.

Самец в постройке не участвовал, но держался поблизости и изредка сопровождал летающую за материалом самку. Во время постройки самка прогоняла большинство мелких птиц, приближавшихся на 1—1,5 м к гнезду (синиц больших — *Parus major*, овсянок седоголовых — *Emberiza spodocephala*, пеночек светлоголовых — *Phylloscopus occipitalis*). Когда на расстоянии 10 м появился сорокопуд тигровый (*Lanius tigrinus*), птицы начали издавать тревожный крик — обычную позывку, только громче и чаще, летая вокруг него вместе с обеспокоенными овсянкой красноухой (*Emberiza cioides*), горихвосткой сибирской (*Phoenicurus auroreus*), трясогузкой горной (*Motacilla cinerea*) и пеночкой светлоголовой. Строящая самка никогда не прогоняла овсянок красноухих, гнездившихся в 10 м, причем самец из этой пары целыми днями пел в 4—5 м от гнезда урагу-сов. Когда к постройке приблизился бурундук (*Eutamias sibiricus*), птица оставалась неподвижной до тех пор, пока зверек не убежал. В период

постройки ни разу не наблюдались спаривание и брачные игры, хотя пары довольно часто кормились в густой поросли кустарника, на залильном лугу и на деревьях.

К откладке яиц урагусы приступали на следующий день после завершения постройки. В 5 час. 40 мин. самка прилетела в гнездо и, усевшись, некоторое время поправляла его. Затем сидела спокойно, иногда чуть приподнималась, словно усаживалась поудобнее. Через некоторое время открыла клюв, точно от жары, позже — начала приоткрывать и закрывать его. Потом усаживалась поглубже, и снова приподнималась, приоткрывая клюв. Так повторялось несколько раз. И, наконец, приподнявшись в гнезде с открытым клювом, она на секунду застыла в такой позе, посмотрела под себя в лоток, уселась и вновь очень медленно приподнялась над гнездом, будто боялась раздавить отложенное яйцо. В 6 час. 20 мин. изменила положение отложенного яйца в гнезде, а в 6 час. 40 мин. улетела вместе с певшим поблизости самцом, несмотря на морозящий мелкий дождь. Первые яйца были снесены урагусами 12 июня, 8 июня, 11 июля 1971 г. и 29 июня 1970 г. Они откладывались к 7—8 часам, по одному через сутки. В полной кладке было от 3 до 5, чаще — 4 яйца. В поздней, возможно повторной кладке, их оказалось 3. Яйца овоидной формы, правда, в одном из гнезд яйца были удлинено-яйцевидными. Средние размеры яиц (12) — 19,06×13,21 мм.

Регулярное насиживание начиналось после откладки предпоследнего яйца. На протяжении всего этого периода самец кормил самку на гнезде, но не сменял ее. При фотографировании птицы пугались вспышек и через некоторое время самец уже не всегда подлетал к гнезду, а начинал тревожно крикивать, находясь в 25—35 м, и самка улетала к нему. В период насиживания самец и самка не реагировали на приближение к гнезду особей своего вида (однажды чужой самец сидел в 1 м от гнезда в течение 15—20 секунд рядом с наблюдаемой парой) или других птиц (выводки синиц больших, мухоловок ширококлювых — *Alseonax latirostris*, одиночные седоголовые овсянки). Однако на «врагов» урагусы реагируют активно. Так, 23 июля 1971 г. они тревожно кричали и летали в нескольких метрах от выводка сорокопутов японских (*Lanius bucephalus*). Во время насиживания самец довольно много пел, сидя в 25—40 м от гнезда, а самка часто отвечала ему тихой позывкой из гнезда. Песня наблюдаемых урагусов состояла из двух частей: одна — похожа на песню щегла (*Carduelis carduelis*), но в чуть более низких тонах (она характерна для всех самцов урагусов), другая — более короткая, и в ней замечено больше индивидуальных различий, что, очевидно, обусловлено хорошо развитыми подражательными способностями урагусов. Нередко можно было слышать одновременно двух самцов, поющих в 30—50 м друг от друга, причем, один пел более короткую (подражательную), другой — более длинную (основную) часть песни. Во время насиживания самка покидала гнездо в среднем через 2/3 часа, на 8—9 минут. По мере приближения срока вылупления птенцов она становилась менее осторожной и слетала с кладки при появлении человека в 2 м от гнезда. Вылуплялись птенцы на 13-й день с момента регулярного насиживания. К вечеру этот процесс прерывался, а к полудню следующего дня появлялся последний птенец. Скорлупу самка съедала.

Вес однодневных пуховичков (данные по двум гнездам) — 1,57—1,96 г. Они ничем не отличались от известного их описания (Нейфельдт, 1970). Дальше вес птенцов изменялся следующим образом: 2-й день — 2,30—2,60 г.; 3-й — 3,50—3,75 г.; 4-й — 4,75—5,30 г.; 5-й — 6,80—7,00 г.; 6-й — 7,80—8,20 г.; 8-й — 9,70—10,80 г. Вес одного из десятидневных птенцов — 11,40 г. Чем меньше птенцов в гнезде, тем быстрее они разви-

вались. Так, в первом (4) — на третий день молодые весили в среднем 3,39 г, во втором (3) — 4,60 г. Глаза открывались у птенцов на 4-й день, хотя щелочки наметились к вечеру 3-го дня. Слуховые проходы открылись на 5-й день (рис. 2).

Кормить птенцов родители начинали уже в 1-й день. Занятая обогреванием птенцов самка приносила корм реже, чем самец. Прилетая с

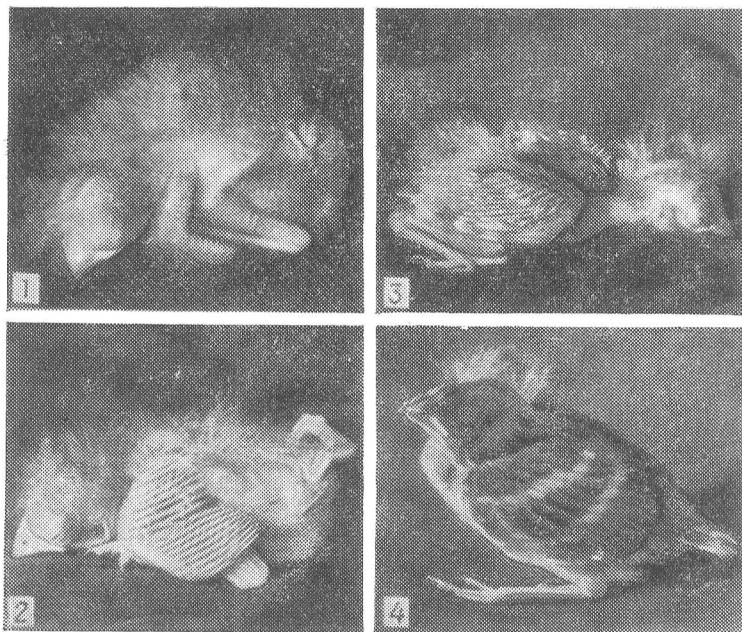

Рис. 2. Птенец *Uragus sibiricus ussuriensis* Вит:

1 — двухдневный; 2 — пятидневный; 3 — семидневный; 4 — одиннадцатидневный.

кормом, самец садился на край гнезда, а самка пятилась на противоположную стенку. Усевшись, она приседала, трепетала крыльями и открывала клюв, как птенец; самец отрывал корм, отдавал его самке и улетал, а та начинала кормить птенцов. Если самки на гнезде не было, то самец кормил птенцов сам, затем усаживался на ветку в 1 м от гнезда и ждал ее; услышав позывку самки, он улетал. За один прилет корм получали все птенцы. Особенно много его приносилось к вечеру; при осмотре птенцов в это время на их шеях были заметны значительные вздутия, отсвечивающие зеленовато-белым. Частота кормлений с возрастом птенцов почти не изменялась. Так, на второй день корм приносился в среднем через 27 мин 42 сек, а в день вылета — через 25 мин. 30 сек. Кормление начиналось в 5 час 20 мин.— 5 час 30 мин., оканчивалось в 20 час. 40 мин.— 20 час. 50 мин.

С 3-го дня жизни птенцов взрослые птицы начинали реагировать на приближающегося к гнезду человека примерно так: самец летал с ветки на ветку в 1—2 м и тревожно кричал; самка вела себя более осторожно и ближе 5 м не подлетала. Эта реакция не изменялась вплоть до дня вылета птенцов. Птенцы покинули гнездо на 11-й день. Если бы их не тревожили, то это произошло бы на 1—3 дня позже.

Одиннадцатидневный птенец весил 11,80 г, длина крыла составляла 39 мм, длина рулевых перьев — 16 мм, они развернулись лишь на 6 мм.

Клюв птенца светло-свинцовый с потемнением на конце. Крылья — грязновато-черные с двумя светлыми поперечными полосками, которые образованы вершинами кроющих крыльев; цвет полосок охристо-грязновато-белый. В хвосте 3 пары внутренних рулевых — черные, 3 пары боковых (по 3 пера с каждой стороны) — грязновато-желтовато-белые. Еще сохранившиеся клювные валики грязновато-белые, к углам рта чуть розовые. Голова и спина мышинного цвета с желтым налетом. «Птенцовый зуб» хорошо сохранился. Полость рта светло-малиново-розовая, значительно посветлевшая по сравнению с первой фазой развития. Лапы свинцово-розовые, когти свинцового цвета, обычной формы, без резко загнутого крючечка на конце, как у только что вылупившегося птенца. Радужина темно-коричневая; зрачек голубовато-свинцовый.

С целью анализа корма ежедневно (с 3-го по 10-й день) вечером я отбирал его у одного из птенцов. Пища извлекалась из полости рта поглаживанием вздутой шеи птенца в направлении ротового отверстия. Было проанализировано 6 «пищевых комков»*. Основную массу корма птенцов составляли насекомые, семена по весу — примерно в три раза меньше. Корм представлял собой тягучую сметанообразную массу с легким зеленоватым оттенком, в которой попадались очищенные от кожуры и сильно измельченные семена осок (например, осоки гороховидной бесприцветниковой — *Cyperaceae pisiformis* Voot. var. *ebracteata* (Trautv.) Kükenth. из группы митроносных; целые семена 2—3 мм длиной — около 114); гусеницы моли горностаевой (Hirpomentidae) — 1; совок (Noctuidae) размером до 1,7 см — 4; личинки листоедов (Chrysomelidae) — 4; пилильщиков настоящих (Tenthredinidae) — 2; куколки чешуекрылых (Lepidoptera) около 1 см длиной, разорванные посегментно — более 5; крылья двукрылых (Diptera); долгоносики (Curculionidae), разорванные пополам — 10; пауки (Araneida) — 3; тли, относящиеся к родам *Masonaphis* (обитает на рододендроне — *Rhododendron mucronulatum*) и *Prociphilus* (на ясене носолистном) — около 16 целых особей, а часть тлей была представлена в корме только брюшками. У двух птенцов во вздутиях шеи среди корма найдены нематоды (Nematoda); напоминающие волосатиков.

ЛИТЕРАТУРА

Нейфельдт И. А. 1970. Пуховые птенцы некоторых азиатских птиц. Тр. ЗИН СССР, т. XLVII, Орнитологический сборник. Л.

Харьковский государственный университет

Поступила в редакцию 23.XI 1972 г.

S. V. Vinter

ON ECOLOGY OF *URAGUS SIBIRICUS USSURIENSIS* BUT. IN THE LAZOVSKIJ RESERVATION

Summary

Observations in summer of 1970-1971 resulted in finding out a stereotype of *Uragus sibiricus ussuriensis* female behaviour during making a nest. The male does not take part in making a nest. The periods of oviposition, behaviour of the laying female, the time of incubation and behaviour of the female and male at the nest are cleared up. The composition of nestlings food is given.

State University, Kharkov

* Выражаю искреннюю благодарность проф. С. И. Медведеву, проф. М. П. Божко, доц. А. Г. Вовк и И. В. Друлевой, которые определили материалы по питанию птенцов, а также И. А. Нейфельдт, оказавшей мне помощь при написании статьи.